

ДИАЛЕКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ / THE DIALECTICS OF ANTI-CORRUPTION

Редактор рубрики П. А. Кабанов / Section editor P. A. Kabanov

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.743-750>

УДК 340.1:328.185:347.113

В. В. АСТАНИН¹

¹ Университет Банка России, г. Москва, Россия

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: ДИАЛЕКТИКА НОРМАТИВНОЙ «МАТРЕШКИ»

Астанин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, советник директора, Университет Банка России
E-mail: astaninvv@rambler.ru
eLIBRARY ID: SPIN-код: 3964-3549, AuthorID: 263596

Аннотация

Цель: осуществление юридико-догматического анализа законодательной конструкции понятия «конфликт интересов» и составных его категорий в обеспечение прикладных задач эффективного правоприменения и предупреждения коррупционных рисков, детерминированных коллизией интересов.

Методы: диалектический подход к познанию социально-правовых явлений, позволяющий выделить в правовых категориях, образующих понятия конфликт интересов, единство противоположностей. Формально-логический метод научного познания, представленный в юридико-догматическом анализе законодательных норм. Метод операционализации понятий.

Результаты: проведенное сравнительно-правовое исследование, выраженное в совокупности методов анализа и синтеза правовых категорий, направленных на получение компаративистских знаний, позволяет соотносить их содержание по отношению к понятию «конфликт интересов» в соразмерности целям правоприменения. Произведен юридико-лингвистический разбор правовых категорий, совокупность которых образует содержание понятия «конфликт интересов». Выделены абстрактные и определенные нормы категорий в контексте необходимой для обеспечения их доказательства связи (наличия и отсутствия) с юридическими фактами.

Научная новизна: введен в научный оборот правовой науки термин «нормативная “матрешка”», позволяющий комплексно отражать операциональное определение сложных социально-правовых явлений, описывающих его в составных правовых категориях. Теоретически представленный феномен нормативной «матрешки» конфликта интересов в дискретности составных его понятий и диспозитивных правовых категорий обуславливает высокие риски искажений или ошибочных толкований. Эти риски складываются во внесудебном порядке, получая первичное оформление в решениях комиссий по урегулированию конфликта интересов. Превенцию таких рисков обеспечивает не только привлечение к ее работе экспертов, обладающих, помимо юридических знаний и профессионально-отраслевых познаний, еще и морально-этическими устоями, носителями которых являются вершители прецедентного правоприменения.

© Астанин В. В., 2021

© Astanin V. V., 2021

Астанин В. В. Конфликт интересов: диалектика нормативной «матрешки»
Astanin V. V. Conflict of interest: dialectics of a normative “tiered structure”

Практическая значимость: основные положения статьи служат целям использования в практической деятельности по обеспечению доказательств де-юре проявлений конфликта интересов. Выявленные нормативные коллизии и отсутствие полноты правового регулирования общественных отношений, связанных с определением «личной заинтересованности», могут служить обоснованием совершенствования законодательства о противодействии коррупции в части упрощения используемого понятия для целей правоприменения.

Ключевые слова: конфликт интересов, личная заинтересованность, коррупция, коррупционный риск, нормативная «матрешка», прецедент, правоприменение, имущественные, корпоративные и иные близкие отношения, выгоды, преимущества, абстрактные нормы, формально определенные нормы

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Астанин В. В. Конфликт интересов: диалектика нормативной «матрешки» // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15, № 4. С. 743–750. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.743-750>

The scientific article

V. V. ASTANIN¹

¹ University of the Bank of Russia, Moscow, Russia

CONFLICT OF INTEREST: DIALECTICS OF A NORMATIVE “TIERED STRUCTURE”

Viktor V. Astanin, Doctor of Law, Professor, Counselor to Director, University of the Bank of Russia

E-mail: astaninvv@rambler.ru

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3964-3549, AuthorID: 263596

Abstract

Objective: to carry out a legal and dogmatic analysis of the legislative structure of the “conflict of interests” concept and its constituent categories in order to ensure the applied tasks of effective law enforcement and prevention of corruption risks determined by a conflict of interests.

Methods: the dialectical approach to the cognition of socio-legal phenomena, which allows identifying the unity of opposites in the legal categories that form the conflict of interests concept; the formal-logical method of scientific cognition, presented in the legal-dogmatic analysis of legislative norms; the method of operationalization of concepts.

Results: the conducted comparative legal research, expressed in a combination of methods of analysis and synthesis of legal categories aimed at obtaining comparative knowledge, allows correlating their content with respect to the “conflict of interests” concept in proportion to the goals of law enforcement. A legal and linguistic analysis of legal categories has been carried out, the totality of which forms the content of the “conflict of interests” concept. Abstract and definite norms of categories are highlighted in the context of the proof necessary to ensure their connection (presence and absence) with legal facts.

Scientific novelty: the term “normative ‘tiered structure’” was introduced into the scientific circulation of legal science, which comprehensively reflects the operational definition of the complex socio-legal phenomena described in composite legal categories. The theoretically presented phenomenon of the normative “tiered structure” conflict of interest in the discreteness of its constituent concepts and dispositive legal categories causes high risks of distortion or erroneous interpretations. These risks are formed out of court, initially registered in the decisions of the conflicts of interest settlement commissions. Prevention of such risks is ensured not only by the involvement of experts who, in addition to legal knowledge and professional-industry knowledge, also have moral and ethical foundations, the bearers of which are the arbiters of precedent law enforcement.

Practical significance: the main provisions of the article can be used in practical activities to provide evidence of de jure manifestations of a conflict of interests. The revealed regulatory collisions and the incomplete legal regulation of public relations in the sphere of “personal interest” require improving the anti-corruption legislation in terms of simplifying the concept used for law enforcement purposes.

Keywords: Conflict of interest, Personal interest, Corruption, Corruption risk, Normative “tiered structure”, Precedent, Law enforcement, Property, corporate and other close relationships, Benefits, Advantages, Abstract norms, Formally defined norms

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Astanin, V. V. (2021). Conflict of interest: dialectics of a normative “tiered structure”. *Russian Journal of Economics and Law*, 15 (4), 743–750 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.743-750>

Введение

Изменчивый характер, непостоянство проявлений конфликта интересов обуславливают диспозитивный характер понятийного его содержания в нормативном правовом обеспечении. Можно отмечать лукавые свойства законодательного определения конфликта интересов в операциональном значении. Зарубежные методологи в конце XX в. предложили использовать операциональные определения в отношении сложных явлений, которые позволяют его описывать в процессах образования, для подтверждения его наличия и качества [1. С. 11–22]. Такой сложностью обладает конфликт интересов, возникающий из ситуаций, образующих нарушение установленных в целях предупреждения коррупции запретов. Такие ситуации содержат множественные элементы и отражаются в предикатных свойствах действий по отношению к будущим коррупционным правонарушениям. Иными словами, законодатель, учитывая витиеватость генезиса конфликта интересов и его проявлений, предложил редкую для юридической науки и практики форму операционального определения запрещаемого явления в множественной нормативной конструкции его элементов и признаков. Законодательный подход операционализации вполне оправдан, учитывая беспрецедентные проявления конфликта интересов, берущие начало в англосаксонской практике правового регулирования ситуаций, его образующих. Проводя аналогии, связанные с не поддающимися элементарному определению категориями антикоррупционного назначения, существующими в англосаксонском праве¹, можно прийти к заключению, что российское

законодательство стало реципиентом казуистического понятия конфликта интересов. Аналогичным образом описывают этот институт не только российские специалисты [2; 3. С. 69–74; 4; 5. С. 2061–2070; 6; 7; 8. С. 26–38; 9; 10. С. 56–65; 11], но и зарубежные исследователи [12. С. 32; 13. С. 387–388; 14. С. 465–466; 15]. При этом отечественные нормы его определения образно можно представить по принципу нормативной «матрешки». Пояснением этому тезису послужит обращение к законодательно определенным (данным) категориям, совокупность которых раскрывает содержание конфликта интересов.

Результаты исследования

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон) под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий).

Произведем разбор элементов этой верхней части нормативной «матрешки». Прежде всего следует обратить внимание, что конфликт интересов образует не действие (бездействие), выраженное в виде деяния и форме правонарушения, которое обладает составом в образующих его элементах. Указание на то, что ситуация является юридической, отсутствует, при этом дальнейшее содержание определения свидетельствует о том, что она образует правовую реальность. И это при том, что в правовой науке и практике оперируют юридическим фактом (также нередко обусловленным

¹ Примечательно в этой связи, что Закон Великобритании «О взяточничестве» не содержит определения коррупционной выгоды. Данная категория отнесена к рассмотрению правоприменителей и судей.

жизненной ситуацией), с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правовых отношений. Смысловое содержание «ситуации» вне юридического ее факта обладает большой палитрой словарного толкования.

Ситуация означает принуждение к принятию решения, отмечают философы [16. С. 47–54]. Она является фактором детерминации поведения, дополняют их социологи [17. С. 39]. В юридической науке такой однозначности нет. Если говорить о ситуации в контексте юридических фактов, то ее образуют и обуславливают события, происходящие или развивающиеся независимо от воли субъекта. Без юридических фактов нельзя признать ситуации правовыми. Между тем именно они, как подмечено апологетами теории права, являются исходными, с них все начинается, разворачивается вся сложная, многоуровневая и многослойная цепь правовых средств и механизмов [18. С. 260]. Ситуацию в конфликте интересов генерируют не юридические факты, а личная заинтересованность, т. е. мотив должностного лица, который влияет (способен влиять) на содержание осуществляемых их правомочий. Таким образом, влияние зависит от воли субъекта и только затем может образовать юридические факты в виде событий, деяний, поступков или актов.

Представленный юридико-догматический анализ верхней части нормативной «матрешки» конфликта интересов преследует теоретико-прикладные задачи возможного упрощения понятия для эффективного правоприменения. Кроме того, анализ служит обоснованием тому, что определение понятия «конфликт интересов» обладает чрезмерной дискретностью, выраженной в усмотрении множества ситуаций, производных от корыстных мотивов субъекта и находящихся под управлением его воли, которые обуславливают перспективы образования юридических фактов. Гораздо проще, по крайней мере, для носителей романо-германской правовой культуры, исходить из значения действий (бездействия), имеющих формы правонарушений, в которых априори содержится субъективная сторона (вина, мотив, цель), равно как и иные элементы их составов. Отсутствие такой конструкции определения конфликта интересов обрекает на сложности оценки причинно-следственных связей его проявлений, затрудняет возможности их выявления, равно как и предотвращения, обуславливает ошибки правоприменения.

Составные части нормативной «матрешки» рассматриваемого определения и так содержат немало дискреционных понятийных категорий неоднозначного толкования. Это касается «надлежащего», «объективного», «беспристрастного» исполнения должностных обязанностей субъектом – носителем конфликта интересов. Названные категории обладают относительным правовым содержанием. Более того, обнаруживают аналогию с коррупциогенным фактором, выраженным в юридико-лингвистической неопределенности понятий двоякого или смыслового содержания, неустоявшихся терминов и категорий. Оценка качества или полноты, например, «надлежащего» исполнения нередко требует привлечения экспертизы, анализа юридически значимых документов (должностной инструкции, трудового договора, положений о структурных подразделениях, регламентов оказания услуг, организационно-распорядительных и исполнительных актов). При этом в определении отмечается расширенная конкретизация исполнения функций – они могут вытекать как из должностных обязанностей, так и из служебных полномочий (постоянных или временных) при отсутствии корреляции с должностными.

Нижестоящую нормативную «матрешку» в весьма объемном содержании правовых и иных категорий, ее составляющих, образует определение понятия личной заинтересованности. Под ней понимается возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) субъектов – носителем конфликта интересов и (или) состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми указаный субъект и (или) лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве, связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями.

Первое, что обращает на себя внимание, – это не раскрытая в содержании дефиниция «возможность», которая в общем и неизменном значении слова со времен древнегреческих ученых, занятых познанием мироздания, означает наличие необходимых предпосылок существования, возникновения чего-либо или

упрощенно – иметь шанс и стать действительностью [19. С. 152]. Насколько состоятельным может оказаться такой шанс? Ответ на вопрос находится в зависимости от объективных и субъективных обстоятельств, а также оценки их связи, что становится предметом обсуждения на комиссиях по урегулированию конфликта интересов или исследования в ходе судебного разбирательства.

Возможности в праве имеют сложную природу. Выделяют объективную, субъективную, материальную, реальную, фактическую правовую возможность в отражении юридических предпосылок [20. С. 16–30]. Однако в правообразующем содержании возможность нельзя представить без действий (бездействия), ведь именно они образуют связь события с его предпосылкой. Смыслового определения этой категории, которое позволяет фиксировать юридический факт, связанный с возможностью получения предметов, прав, благ, услуг, выгод (преимуществ), в определении нет. Отмечается вероятность получения, которая не нуждается в связи с юридическими фактами (например, переход прав собственности на объекты гражданских прав) и тем более в оценке наступивших событий, которые образуют дисциплинарный проступок, деликт или даже преступление. Учитывая эти обстоятельства, оперирование категорией «возможность получения» обладает высокой степенью неопределенности.

Следующие категории, составляющие понятие личной заинтересованности, – «какие-либо выгоды (преимущества)» – обладают внутренней коллизией. Преимущества – это достаточно объективные характеристики качества, выраженные в предоставлении благоприятных условий для реализации прав. Они поддаются установлению и квалификации. Выгоды же обладают субъективной оценкой, обусловлены индивидуальными потребностями и их удовлетворением, которые сложно фиксировать в значении юридических фактов. Категория «выгоды» обладает еще и внутренней нормативной коллизией в законе. Применительно к личной заинтересованности они обозначены «какие-либо», а при определении коррупции в ст. 1 Закона они перечислены в конкретизированном виде – «денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав». Таким образом, в контексте личной заинтересованности категория «какие-либо выгоды» обладает широкой диспозитивностью. Между тем внутренняя

нормативная коллизия имеет и позитивные свойства – предоставляет возможность трактовать выгоду при конфликте интересов в бланкетном содержании нормы, применяя ее по аналогии закона (в определении, данном в ст. 1 Закона).

Количественный ряд возможных аффилированных лиц по отношению к субъекту – носителю конфликта интересов имеет потенциальную к воплощению арифметическую формулу прогрессии, если принять во внимание возможность получения доходов, каких-либо выгод или преимуществ не только им самим, его родственниками и собственниками, но и связанными с каждым из них гражданами или организациями по критерию имущественных, корпоративных или иных близких отношений. Возможности квалификации личной заинтересованности исходя из представленного субъектного состава имеют правовые пределы, выраженные в установлении трех видов отношений (для квалификации достаточно одного из них). Однако очередная нормативная «матрешка» в этот раз имеет как формальные, так и абстрактные нормы и даже их смешение.

Смешением формально определенной и абстрактной нормы обладает категория «имущественные отношения». Это объемный вид правоотношений в оценках цивилистов, не учтенный гражданским законодательством [21. С. 6–9], не только связанный с принадлежностью и управлением материальными и нематериальными благами товарного характера, но и регулируемый в широком спектре (владение, пользование, распоряжение, наследование и т. д.). Имущественными являются также отношения, к которым не применяется гражданское законодательство (налоговые, финансовые, административные), несмотря на изъятие, установленное ч. 3 ст. 2 ГК РФ. Для фиксирования аффилированной связи между субъектами конфликта интересов имущественные отношения не рассматривают в контексте образования или обеспечения личной заинтересованности. Достаточно фиксации связей, основанной на имущественных отношениях.

Формальной определенностью обладает категория «корпоративные отношения» между лицами (как юридическими, так и физическими), возникающие по поводу совместного создания и управления хозяйствующими субъектами (соучредительство, владение акциями, долями участия в уставном капитале орга-

низации, замещение лицами должностной позиции единоличного, коллегиального или исполнительного органа управления). При этом следует учитывать, что не все внутренние отношения в корпорации следует причислять к корпоративным. Так, трудовые и производственные отношения не являются таковыми и не регулируются корпоративным правом и, соответственно, при квалификации конфликта интересов не могут быть причислены к корпоративным.

Абстрактным содержанием обладает нормативное определение «иные близкие отношения», которое позволяет предполагать наличие заинтересованности или зависимости между субъектами. Таковые могут быть образованы: наличием общих детей (рожденных вне брака или усыновленных (удочеренных), со свидетельством о записи в актах гражданского состояния); бракоподобными отношениями, не оформленными в установленном законом порядке как брак, или, напротив, отношениями между бывшими супругами, но фиксируемыми в юридически значимых фактах ведения общего хозяйства, проживания на одной жилой площади, несения совместных расходов. Близкие отношения не ограничиваются брачными/внебрачными, они могут возникать с любыми лицами, но обладать особым доверительным характером. На это могут указывать: участие в расходах на лечение, отдых, образование, дарение ценного имущества, иные обстоятельства социально-материальных отношений, свидетельствующие о проявлении заботы о благополучии человека.

Дискретность нормы об «иных близких отношениях» обуславливает трудности доказательства искомых связей, которые полны житейских противоречий. Это отмечается даже в актах высших судебных инстанций: «...совместное ведение общего хозяйства либо его прекращение само по себе не может свидетельствовать о прекращении семейных отношений, и данное обстоятельство должно оцениваться в совокупности с другими доказательствами»².

Выводы

Теоретически представленный феномен нормативной «матрешки» конфликта интересов в дискретности составных его понятий и диспозитивных правовых категорий обуславливает высокие риски искажений или ошибочных толкований. Эти риски складываются во внесудебном порядке получая первичное оформление в решениях комиссий по урегулированию конфликта интересов. Превенцию таких рисков обеспечивает не только привлечение к ее работе экспертов (независимых в том числе), обладающих, помимо юридических знаний и профессионально-отраслевых познаний, еще и морально-этическими устоями (помогающими оценивать ментальные детерминанты конфликта интересов), носителями которых являются вершители прецедентного правоприменения. Аргумент таких рекомендаций кроется в прецедентном характере самих рисков конфликта интересов, которые можно классифицировать по сферам проявлений и типовым случаям, образующим единство их противоположностей.

Список литературы

1. Watt J. H. Elements of Scientific Theories: Concepts and Definitions // Research Methods for Communication Science. Allyn & Bacon, 1995. Рр. 11–22.
2. Бикеев И. И., Кабанов П. А. Организация работы комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Республики Татарстан и урегулированию конфликта интересов: методическое пособие. Казань: Познание, 2015. 80 с.
3. Борисова Н. В. Конфликт интересов как объект антикоррупционного контроля // Отечественная юриспруденция. 2017. № 10 (24). С. 69–74.
4. Дедов Д. И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2004. 272 с.

² О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 П. 13 // Российская газета. 08.07.2009. № 123 (4947).

5. Зеленев М. В. Конфликт интересов на государственной службе: соотношение терминов «личная заинтересованность» и «интерес» // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 35. С. 2061–2070.
6. Ильяков А. Д. Урегулирование конфликта интересов как основной способ предупреждения коррупции в системе государственного управления: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ, 2015. 176 с.
7. Конфликт интересов на государственной службе, а также в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование: научно-практическое пособие / Т. С. Глазырин, Т. Л. Козлов, Н. М. Колосова и др. М.: Научно-издательский центр ИНФРА-М, 2016. 224 с.
8. Ноздрачев А. Ф. Конфликт интересов: новое «универсальное» нормативное правовое определение понятия в законодательстве о противодействии коррупции // *Административное право и процесс*. 2016. № 6. С. 26–38.
9. Соловьев А. В. Конфликт корыстных интересов на государственной и муниципальной службе: природа и способы преодоления: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 258 с.
10. Чаннов С. Е. Конфликт интересов в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // *Гражданин и право*. 2016. № 8. С. 56–65.
11. Щеколдин С. Ю. Конфликт интересов в государственных служебных отношениях: материальные и процессуальные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2011. 270 с.
12. Davis M. Conflict of interest revisited // *Business & Professional Ethics Journal*. 1993. Pp. 21–41.
13. Carson T. L. Conflicts of interest // *Journal of Business Ethics*. 1994. T. 13, № 5. С. 387–404.
14. Kurland N. B. Ethics, incentives, and conflicts of interest: A practical solution // *Journal of Business Ethics*. 1995. T. 14, № 6. С. 465–475.
15. Schwab A. P. Systemic versus Severable Conflicts of Interest // *Business and Professional Ethics Journal*. 2021.
16. Hartmann N. Zur Grundlegung der Ontologie. Berlin: De Gruyter, 1935. 413 p.
17. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999. 429 с.
18. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. 752 с.
19. Аристотель. *Метафизика*. (Антология мысли): пер. в ред. 1934 г. М.: Эксмо, 2006. 608 с.
20. Матузов Н. И. Возможность и действительность в правовой сфере // *Правоведение*. 2000. № 3. С. 16–30.
21. Баринов Н. А. Принцип однородности имущественных отношений в праве // *Гражданское право*. 2012. № 5. С. 6–9.

References

1. Watt, J. H. (1995). Elements of Scientific Theories: Concepts and Definitions. *Research Methods for Communication Science* (pp. 11–22). Allyn & Bacon.
2. Bikeev, I. I., Kabanov, P. A. (2015). *Organizing the work of commissions on observing the requirements to official conduct of state civil servants of the Republic of Tatarstan and regulating conflicts of interest*, methodological tutorial, Kazan, Poznanie, 2015 (in Russ.).
3. Borisova, N. V. (2017). Conflict of interest as the object of anticorruption control. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*, 10 (24). 69–74 (in Russ.).
4. Dedov, D. I. (2004). *Conflict of interest*. Moscow, Volters Kluver (in Russ.).
5. Zelenov, M. V. (2021). Conflict of interest at the state service: correlation of the “personal interest” and “interest” notions. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, 35. 2061–2070 (in Russ.).
6. Il'yakov, A. D. (2015). *Regulating a conflict of interest as the main means of preventing corruption in the state governance system*, PhD (Law) thesis. Moscow, Ros. akad. nar. khoz-va i gos. sluzhby pri Prezidente RF (in Russ.).
7. Glazyrin, T. S., Kozlov, T. L., Kolosova, N. M. et al. (2016). *Conflict of interest at the state service and in the activity of organizations: causes, prevention, regulation*, scientific-practical manual. Moscow, Nauchno-izdatel'skii tsentr INFRA-M (in Russ.).
8. Nozdachev, A. F. (2016). Conflict of interests: new “universal” regulatory legal definition of the notion in the anti-corruption legislation. *Administrativnoe pravo i protsess*, 6, 26–38 (in Russ.).
9. Solov'ev, A. V. (2018). *Conflict of mercenary interests at the state and municipal service: nature and means of overcoming*, tutorial, 2-e izd., pererab. i dop., Moscow, Prospekt (in Russ.).
10. Channov, S. E. (2016). Conflict of interest in the sphere of state and municipal purchases, *Grazhdanin i pravo*, 8, 56–65 (in Russ.).
11. Shchekoldin, S. Yu. (2011). *Conflict of interest in the state official relations: material and procedural aspects*, PhD (Law) thesis. Voronezh, Voronezh. gos. un-t (in Russ.).

12. Davis, M. (1993). Conflict of interest revisited. *Business & Professional Ethics Journal*, 21–41.
13. Carson, T. L. (1994). Conflicts of interest. *Journal of Business Ethics*, 13 (5), 387–404.
14. Kurland, N. B. (1995). Ethics, incentives, and conflicts of interest: A practical solution, *Journal of Business Ethics*, 14 (6), 465–475.
15. Schwab, A. P. (2021). Systemic versus Severable Conflicts of Interest. *Business and Professional Ethics Journal*.
16. Hartmann, N. (1935). *Zur Grundlegung der Ontologie* (p. 413). Berlin, De Gruyter.
17. Ross, L., Nisbett, R. (1999). *Person and situation. Lessons of social psychology*. Moscow, Aspekt Press (in Russ.).
18. Alekseev, S. S. (2001). *Ascent to law. Search and solutions*. Moscow, Norma (in Russ.).
19. Aristotel. (2006). *Metaphysics (Anthology of thought)*. Moscow, Eksmo (in Russ.).
20. Matuzov, N. I. (2000). Possibility and reality in the sphere of law. *Pravovedenie*, 3, 16–30 (in Russ.).
21. Barinov, N. A. (2012). Principle of uniformity of property relations in the law. *Grazhdanskoe pravo*, 5, 6–9 (in Russ.).

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 30.10.2021
Дата принятия в печать / Accepted 20.11.2021

ПОЗНАНИЕ

Антонова, И. И.

Стандартизация в формировании системы инновационного менеджмента предприятия / И. И. Антонова, А. Т. Хадиева. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2021. – 168 с.

В монографии обобщены научные основы формирования системы инновационного менеджмента на основе стандартизации, представлена концептуальная и нечетко-множественная модель мониторинга и анализа технологической готовности инновационного проекта с учетом стандартизации, сформулированы рекомендации по развитию инновационного менеджмента предприятия с применением стандартизации.

Адресована как магистрантам, аспирантам и научным работникам, занятым исследованием вопросов применения стандартизации в формировании системы инновационного менеджмента, так и практическим работникам, непосредственно занимающимся решением данного вопроса.